ДРЕВНИЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КУЛЬТУРЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

**СТАНОВЛЕНИЕ,
РАЗВИТИЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
УРБАНИЗИРОВАННЫХ И СКОТОВОДЧЕСКИХ
ОБЩЕСТВ**

Материалы Международной научной конференции,
посвященной 100-летию со дня рождения
д. и. н. А. М. Мандельштама и 90-летию
со дня рождения д. и. н. И. Н. Хлопина
10–12 ноября 2020 г.
Санкт-Петербург

INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

STATE HERMITAGE

PETER THE GREAT MUSEUM OF ANTHROPOLOGY AND ETHNOGRAPHY
(THE KUNSTKAMERA) OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

INSTITUTE OF ORIENTAL MANUSCRIPTS
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**ANCIENT AND MEDIEVAL CULTURES OF CENTRAL ASIA
(THE FORMATION, DEVELOPMENT AND INTERACTION
OF URBANIZED AND CATTLE-BREEDING SOCIETIES)**

*Proceedings of the international scientific conference dedicated to the 100th birth anniversary
of Doktor Nauk in Historical Sciences Anatolii M. Mandelstam and the 90th birth anniversary
of Doktor Nauk in Historical Sciences Igor' N. Khlopin*

10–12 November 2020, St. Petersburg

St. Petersburg
2020

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМЕНИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО (КУНСТКАМЕРА) РАН
ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ РАН

**ДРЕВНИЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КУЛЬТУРЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ
АЗИИ (СТАНОВЛЕНИЕ, РАЗВИТИЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
УРБАНИЗИРОВАННЫХ И СКОТОВОДЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ)**

*Материалы Международной научной конференции,
посвященной 100-летию со дня рождения д. и. н. А. М. Мандельштама
и 90-летию со дня рождения д. и. н. И. Н. Хлопина*

10–12 ноября 2020 г., Санкт-Петербург

Санкт-Петербург
2020

*Организация конференции и издание сборника ее материалов осуществлены
при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20–09–22011*

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН

*Редакционная коллегия: В. П. Никоноров, Л. Б. Кирчо, Е. О. Стоянов (отв. редакторы),
В. А. Алёкшин, М. Е. Килуновская, О. В. Сычева*

Рецензенты: д. и. н. Е. М. Колпаков, д. и. н. И. Л. Тихонов

Программный комитет конференции: акад. РАН, д. и. н. М. Б. Пиотровский (Гос. Эрмитаж, сопредседатель); д. и. н. В. А. Лапшин (ИИМК РАН, сопредседатель); к. и. н. В. П. Никоноров (ИИМК РАН, зам. сопредседателей); акад. РАН, д. и. н. В. И. Молодин (Институт археологии и этнографии СО РАН); акад. АН Республики Узбекистан, д. и. н. Э. В. Ртвеладзе (Институт искусствознания АН Республики Узбекистан); чл.-корр. РАН, д. и. н. А. В. Головнёв (МАЭ РАН); чл.-корр. РАН, д. и. н. И. Ф. Попова (ИВР РАН); чл.-корр. РАН, д. и. н. Н. В. Полосьмак (Институт археологии и этнографии СО РАН); д. и. н. Д. Г. Савинов (Институт истории СПбГУ); д. и. н. Ю. Е. Берёзкин (МАЭ РАН); д. и. н. А. В. Седов (Музей народов Востока); д. и. н. К. С. Ташбаева (Институт истории, археологии и этнологии НАН Кыргызской Республики); д. и. н. Л. Б. Кирчо (ИИМК РАН); к. и. н. В. А. Алёкшин (ИИМК РАН); к. и. н. М. Т. Кашуба (ИИМК РАН); к. и. н. М. Е. Килуновская (ИИМК РАН); к. и. н. А. В. Поляков (ИИМК РАН); Ю. Ю. Пиотровский (Гос. Эрмитаж); к. и. н. А. И. Торгоев (Гос. Эрмитаж)

Организационный комитет конференции: к. и. н. В. П. Никоноров (ИИМК РАН, председатель); к. и. н. М. Е. Килуновская (ИИМК РАН, зам. председателя); О. В. Сычева (ИИМК РАН, отв. секретарь); д. и. н. Л. Б. Кирчо (ИИМК РАН); к. и. н. М. Т. Кашуба (ИИМК РАН); к. и. н. А. В. Поляков (ИИМК РАН); к. и. н. В. А. Алёкшин (ИИМК РАН); к. и. н. Вл. А. Семенов (ИИМК РАН); к. и. н. Ю. Г. Кутимов (ИИМК РАН); Е. О. Стоянов (ИИМК РАН); к. ф. н. П. Б. Лурье (Гос. Эрмитаж); к. и. н. А. В. Омельченко (Гос. Эрмитаж); к. и. н. А. И. Торгоев (Гос. Эрмитаж); К. В. Чугунов (Гос. Эрмитаж)

Древние и средневековые культуры Центральной Азии (становление, развитие и взаимодействия урбанизированных и скотоводческих обществ): Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения д. и. н. А. М. Мандельштама и 90-летию со дня рождения д. и. н. И. Н. Хлопина (10–12 ноября 2020 г., Санкт-Петербург). — СПб.: ИИМК РАН, 2020. — 308 с., ил.

ISBN 978-5-907298-09-5

DOI 10.31600/978-5-907298-09-5

В результате монументальные постройки согдийцев — замки и другие здания, утратившие свое идеологическое главенство, — были разрушены. На их развалинах, как на платформах, были возведены тюркские, хотя не столь идеальные в плане строительной техники, но свои, отвечающие глобальным, но уже новым, веяниям открытости, контактам со всем миром и многоязычию.

Литература

Мандельштам 1966 — Мандельштам А. М. Кочевники на пути в Индию. М.; Л., 1966 (МИА. № 136; ТТАЭ. Т. V).

БУДДИЙСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ИКОНОГРАФИЮ ИЗВАЯНИЙ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИИ: ГИПОТЕЗЫ, ДОМЫСЛЫ И РЕАЛИИ

А. В. Евглевский¹

Донецкий национальный университет, Донецк, Украина

THE BUDDHIST INFLUENCE ON THE ICONOGRAPHY OF STATUES OF THE MEDIEVAL NOMADS OF EURASIA: HYPOTHESES, GUESSWORKS AND REALITY

Aleksandr V. Yevglevskii

Donetsk National University, Donetsk, Ukraine

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-274-276

Ключевые слова: средневековые кочевники, изваяния, иконография, шаманизм, буддизм, тэнгрианство.

Keywords: *medieval nomads, statues, iconography, shamanism, Buddhism, Tengrism.*

Соавторы двух статей (Гераськова, Пыслару 2017а; 2017б) не сомневаются в значительном влиянии буддизма на иконографию изваяний средневековых кочевников Евразии, причем его проникновение они относят к довольно раннему времени — VIII–X вв. Этому, по их мнению, способствовала неорганизованная религия кочевников, которая представляла собой смесь шаманизма с тэнгрианством. Едва ли не всем типам тюркских и монгольских скульптур исследователи нашли соответствия среди персонажей буддийского пантеона. На первый взгляд может показаться, что в сравниваемых авторами образах действительно присутствуют многие сходные признаки. Но при углубленном анализе становится понятно, что все подобранные ими «иконографические аналогии» — это не что иное, как поверхностный взгляд на явления совершенно разного порядка, не говоря уже об анахронизмах в предложенной авторами трактовке взаимосвязей тэнгрианства, шаманизма и буддизма.

Например, явным проявлением непрофессионализма является использование ими рисунка несуществующего изваяния, опубликованного в Трудах I Археологического съезда (Труды ... 1871: табл. III; Гераськова, Пыслару 2017б: рис. 10, 1). Этот рисунок — полная выдумка безымянного художника, где в разной степени искажены едва ли не все иконографические реалии. Здесь показан сидящий на постаменте «младенец» (так он назван инфор-

¹ ORCID: 0000-0001-8419-9392; e-mail: a.yevglevsky@gmail.com.

матором) с внушительными половыми органами, которые никогда не изображались на мужских половецких изваяниях. И этот карикатурный образ авторы сравнивают со скульптурами кочевников XIII–XIV вв. из Дариганги (Монголия), действительно изображающими сидящих в кресле обнаженных мужчин.

Опуская все остальные «аргументы» авторов о буддийском влиянии на кочевников, процитирую их необоснованно уверенный вывод: «в своих религиозных воззрениях тюрки отдавали предпочтение буддизму, а не шаманизму и культу предка. <...> Для нас уже очевидно, что изготовителями каменных и деревянных скульптур, которые приписываются половцам, были буддийские миссионеры монахи-ремесленники, обладавшие знаниями и умениями по обработке камня и дерева, воспринятыми от гандхарской греко-буддийской школы [I в. до н. э. — VII в. н. э. — А. Е.]» (Гераськова, Пыслару 2017б: 117–119).

Определенное влияние буддизма на мировоззрение и искусство кочевников (как и обратный процесс), учитывая их многовековое взаимодействие, отрицать, естественно, нельзя. Это было обусловлено некоторыми общими представлениями, восходящими к древнейшим религиозным пластам, в равной степени присущим как шаманизму, так и той родственной ему древнеиндийской религиозной системе, в рамках которой развивался и буддизм; таковы, в частности, представления о перерождении и воплощении души. Однако уже многократно доказано, что буддизм проникал в кочевую среду лишь в определенные периоды имперских амбиций степных каганатов, но, главное, это проникновение затронуло только элиту. Да и всегда при принятии инородных религий кочевники поступали прагматически, не отказываясь от собственной религиозной практики. И это было непременно так, пока они оставались кочевниками.

Л. С. Гераськова и И. Пыслару связывают появление буддизма в восточноевропейских степях с монгольским влиянием. В действительности же в Монголии тэнгрианство и шаманизм соприкасались с буддизмом дважды — в XIII и XVI вв. (не считая более ранних эпизодов проникновения буддизма в кочевые государства). В конце XII — начале XIII в. монголы познакомились с тибетским буддизмом махаяны красношапочного толка школы сакьяпа во времена завоевательных походов Чигисхана, но лишь поверхностно. Не прижился буддизм и в Золотой Орде. А в империи Юань его влияние, в сущности, ограничивалось правящей монгольской элитой, в то время как среди населения фактически процветал шаманизм: даже хаганы участвовали в традиционных обрядах с участием шаманов. Наконец, при маньчжурской династии Цин в Китае за формальным конфуцианством по сути стоял государственный шаманизм. Только ближе к концу XVI в. началось реальное и быстрое распространение буддизма в монгольских кочевьях, однако с шаманством там, в целом, было покончено лишь к началу XIX в.

Что касается тюркских каганатов, то буддизм имел среди кочевников (прежде всего, уйгуров) некоторое распространение, но поиск новых идеологических форм для закрепления складывающихся новых общественных отношений не привел у них к массовому внедрению буддизма.

Несмотря на поздние вплетения буддизма в традиционное мировоззрение кочевников (реально отразившиеся) в XVI в., все же теоретически можно увязать его влияние на иконографию половецких скульптур сидящего типа второй половины XII–XIII вв. — «подходящих» для такого сравнения с точки зрения концепции Л. С. Гераськовой и И. Пыслару. Однако в иконографии половецких изваяний нет сугубо буддийской символики: лотоса, спирали, креста-свастики и т. д. Присутствует только сосуд, но в буддийской скульптуре это, как правило, пышно украшенная ваза с гораздо более многоплановой смысловой нагрузкой, чем сосуды в руках изваяний средневековых кочевников.

Как убедительно показал в серии своих работ Д. Баяр, несмотря на некоторое сходство иконографии скульптуры кочевников с буддийской символикой (чётки в руке), эти изваяния изображают не буддийских персонажей, а монгольскую элиту XIII–XIV вв. (Баяр 1985: 57–58).

Литература

- Баяр 1985 — Баяр Д. К проблеме датировки каменных изваяний Дариганги // ИБМАИКЦА. 1985. Вып. 8. С. 52–58.
- Гераськова, Пыслару 2017а — Гераськова Л. С., Пыслару И. Буддийские черты в монументальной скульптуре средневековых тюркоязычных кочевников // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Алматы, 2017. С. 103–113.
- Гераськова, Пыслару 2017б — Гераськова Л. С., Пыслару И. А. Х. Маргулан и проблемы изучения монументальной скульптуры древних тюрков, кыпчаков и половцев // Там же. С. 114–124.
- Труды ... 1871 — Труды I Археологического съезда в Москве. Т. 1. М., 1871.

СЕВЕРНАЯ ОКРАИНА ТЮРКСКОГО МИРА В ОТРАЖЕНИИ ПЕРСИДСКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ТРАКТАТА X В. «ХУДУД АЛ-‘АЛАМ»¹

Вяч. С. Кулешов²

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия;
Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия; Стокгольмский университет, Стокгольм, Швеция

THE NORTHERN PERIPHERY OF THE TURKIC WORLD AS REFLECTED BY THE 10th-CENTURY PERSIAN GEOGRAPHICAL TREATISE «ḤUDŪD AL-‘ĀLAM»

Vyacheslav S. Kuleshov

Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia; University of Tyumen, Tyumen, Russia; Stockholm University, Stockholm, Sweden

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-276-278

Ключевые слова: средневековые тюрки, географическая литература, «Худуд ал-‘алам».

Keywords: medieval Turks, geographical literature, «Ḥudūd al-‘ālam».

Трактат X в. «Книга о регионах мира с востока на запад» (араб. *Kitāb ḥudūd al-‘ālam minā l-mašriq ‘ilā l-mağrib*), дошедший до наших дней в единственном списке середины XIII в. — т. н. «рукописи Туманского» (Туманский 1897; Бартольд 1930), представляет огромный интерес как самый ранний протяженный географический текст на доклассическом ново-персидском языке³ и как часть корпуса памятников арабо-мусульманской географической литературы IX–X вв. Непреходящую ценность этому сочинению придает, в частности, то, что оно содержит историко-этнографическую информацию о народах, городах и государствах Европы, Центральной Азии и Южной Сибири. К сожалению, стратегия анонимного автора-составителя нигде не подразумевала ссылок на источники, которые он несколько раз глухо называет ‘книгами предшественников’ (*kitāb hā ī pēšīnagān, kutūb ī pēšīnagān*).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-59-23006 «Проблема трансформаций культуры мадьяр на пути обретения родины».

² ORCID: 0000-0002-0355-8531; e-mail: vyacheslav.kuleshov@gmail.com.

³ Текст памятника доступен в виде факсимиле рукописи (Бартольд 1930), в арабографическом наборе (Mir Hossain Shah, Mir-Ahmadi, Warahram 1372 h), в таджикской кириллической транслитерации (Қосимов 1983) и в комментированном английском переводе В. Ф. Минорского (Minorsky 1970).